

7 ЯНВ 1970

ИЗВЕСТИЯ

г. Москва

ВСТРЕЧИ С ЛЮДЬМИ ИСКУССТВА

8 ЯНВАРЯ

юбилей Галины Сергеевны Улановой.

БАЛЕТ ГАЛИНЫ УЛАНОВОЙ

Имя Улановой, ее сценические создания известны во всем мире. Общеизвестна и ее скромность. Вся жизнь она упорно избегала пышных торжеств в свою честь. И пусть эта статья не будет юбилейной. Нет нужды описывать роли Улановой — о них подробно рассказано во многих статьях и книгах на всех языках мира. Но каждый, кто хоть раз видел Уланову, будет думать о ней, о том, что открыла она для него в искусстве и в жизни.

Я навсегда запомнил один театральный вечер своей юности.

Это было в Ленинграде, в театре оперы и балета им. С. М. Кирова. Я сидел на самом верхнем ярусе, на галерке, у самой люстры. Шла «Жизель». Танцевала Уланова. Я видел ее в первый раз в своей жизни. И до сих пор счастлив, что был в моей юности этот вечер, что шла «Жизель», что в ней танцевала Уланова.

С этого вечера я не пропустил ни одного ее спектакля в Ленинграде, а потом в Москве, в Большом театре. Ни одного.

Потом, много времени спустя, я написал статью об Улановой. Но мне в глубине души было стыдно за мое восторженное неведение. Ведь по сути дела тогда я очень мало знал о балете.

Мне захотелось написать об Улановой серьезно. Помимо ее спектаклей, я стал ходить на репетиции и в балетные классы, стал думать о балете, изучать его. Сначала только ради Улановой.

Постепенно это изменилось. Я «втянулся». Стал видеть и других. Кстати, этому меня тоже научила Уланова. Я не помню, чтобы она когда-нибудь небрежно или пренебрежительно отзывалась о коллеге. Она замечает в их работе все хорошее. А о плохом чаще всего предпочитает промолчать. Ее требовательность огромна, но все замечания она оставляет для работы, высказывает их на репетиции или в классе.

Когда меня спрашивают, как я стал балетным критиком, я отвечаю — благодаря Улановой. Любовь и ее искусству заставила меня полюбить балет. Стремление понять ее создания научило меня понимать танец.

Так случилось не только со мной. Об Улановой писали не только балетные критики, но и писатели, режиссеры, артисты, художники, музыканты. Об Улановой взволнованно и благодарно говорили А. Толстой, С. Прокофьев, А. Попов, С. Михоэлс, Н. Хмелев, Д. Журавлев и многие другие.

Балетная молодежь относится к Улановой с чувством искреннего благоговения:

— Я хочу иметь смелость подойти к Галине Улановой и сказать ей по-русски «здравствуйте» и «большое спасибо», — сказал участник международного конкурса артистов балета в Москве арабский танцовщик Реда Шета в ответ на вопрос корреспондента — «Чего вы ждете от конкурса?»

В связи с этим мне вспоминаются слова одной молодой болгарской балерины, участницы балетного конкурса в Варне, где Уланова тоже в течение нескольких лет была бессменным председателем жюри. «Даже при условии неудачи стоит участвовать в конкурсе хотя бы только ради возможности общения с Улановой», — сказала она. — Уланова так внимательна и доброжелательна, так искренне, мудро и деликатно говорит о твоих ошибках, что утихает боль огорчения,

остаешься благодарной даже за ее мимолетное замечание, которое потом будешь помнить всю жизнь как драгоценный урок».

УЛАНОВА никогда никого не поучает, не «читает лекций», не сыплет острыми афоризмами. Неразговорчивая, немногословная, она убеждает как-то незаметно, исподволь, каким-то, если можно так выразиться, «излучением» мудрости, добра, света. Она как будто бы ничего не навязывает, ни на чем не настаивает, не требует; у нее нет властного, повелительного тона, на ее занятиях вы не услышите окрика, но тем не менее сила ее убежденности и настойчивости может сравниться только с силой ее беспримерной выдержки и терпения.

Уланова говорит не только о честном, добросовестном исполнении своих обязанностей. Она требует романтической любви к своему делу. И это возвышенное, приподнятое отношение к своим обязанностям в искусстве, к созданию образов, исполнению партий невольно передается зрителям. И они тоже станут чуточку выше обыденности. А это и есть влияние искусства на жизнь.

Уланова считает, что актеру мало обладать необходимыми сценическими данными и чисто профессиональным умением. Самое интересное и важное — это его внутренний, духовный мир. «Актеру нужно иметь», — говорит Галина Сергеевна, — свой «секрет», свое «заветное», накопленное и утаенное от поверхностных и посторонних глаз. Нужно иметь внутри заветную «шкатулочку» и хранить в ней все: впечатления жизни, природы, все. Чем больше у актера накоплено в этой «шкатулочке», тем скорее он найдет в ней что-то для своих ролей, тем интереснее будет он зрителю, который почувствует, что у него за душой есть свое, заветное, выстраданное, внутреннее богатство, неповторимый духовный мир».

Вот что рассказывает балерина Нина Тимофеева о творческом общении с Улановой:

— Когда она входит в класс, мне кажется, что в нем становится светлее. При ней невольно уходит, должно уходить все мелкое, малодушное, злое. При ней нельзя, совестно быть внутренне слабой или нечистой, неискренней. У нее какая-то своя очищающая миссия в искусстве. Поэтому ее нельзя назвать педагогом, репетитором, это было бы кощунственно, она не роли «делает», она учит быть художником, учит жить, думать, любить, прощать и нести все это в свое творчество, в образы, которые создаешь на сцене.

И еще: есть педагоги очень властные, волевые, резкие. Уланова терпеливо, бережно, осторожно «прикасается» к твоей душе. Но бережность, нежность этих «прикосновений» часто бывает магической — начинаешь видеть зорче и глубже. Тут мне вспоминается пушкинская фраза — «перстами легкими, как сон, моих зениц коснулся он». Иногда бывает достаточно какого-то одного легкого «прикосновения» Улановой, чтобы вдруг что-то осветилось совсем по-новому, наступило бы счастье какого-то творческого прозрения.

Так и по сей день Уланова верна своей великой, возвышающей и очищающей миссии в искусстве.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН,
заслуженный артист РСФСР.